

Научная статья

УДК 343.28/.29

DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.139.161

Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности



**Владимир Константинович Андрианов¹,
Юрий Евгеньевич Пудовочкин²**

¹ Российский государственный университет правосудия, Россия 117418, Москва, Новочеремушкинская ул., 69,

² Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия 125993, Садово-Кудринская ул., 9,

¹ andrianov_vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2270-2145>

² 11081975@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>



Аннотация

Возникновение, развитие и функционирование института освобождения от уголовной ответственности характеризуется закономерностями. Их выявление и описание является ключом к пониманию его сущности, эволюции и современного состояния. Несмотря на многочисленные работы, посвященные исследованию института освобождения от уголовной ответственности, попыток изучения его социально-правовой природы через закономерности еще не предпринималось, что обуславливает необходимость настоящего исследования. Работа основана на устоявшихся в отечественной науке теоретических учениях о социальной, исторической и криминологической обусловленности уголовного закона и уголовной политики. Авторы придерживаются диалектического взгляда на развитие уголовного права и его институтов, предполагающего выявление и изучение лежащих в основе такого развития противоречий общественного и правового развития. Для изучения закономерностей развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности использованы историко-правовой, статистический, аналитический и документальный методы. В работе выявлены и проанализированы закономерности института освобождения от уголовной ответственности, характеризующие: гуманизацию уголовного права; развитие уголовного права как средства социального управления; обусловленность содержания норм уголовного права социальным поведением индивидов; зависимость типа урегулирования уголовно-правового конфликта от сложившейся в обществе

концепции взаимоотношений государства и личности; социально-исторический генезис института; тенденции внутреннего развития института; социально-политические тенденции дальнейшего развития института освобождения от ответственности и его функционирования на практике. Авторы приходят к выводу, что институт освобождения от уголовной ответственности, закономерно возникший и развивающийся как гуманистический ответ на недостатки и издержки уголовного наказания, ориентированный на исправление малоопасных преступников и возмещение причиненного преступлением вреда, в настоящее время функционирует как диалектическая противоположность законодательной тенденции увеличения масштабов криминализации, внутрисистемный уголовно-правовой механизм сдерживания и преодоления криминализационной избыточности уголовного закона, что искажает социально-правовую природу и предназначение данного института.

Ключевые слова

альтернативы уголовного преследования, освобождение от уголовной ответственности, гуманизация уголовного закона, общественная опасность, уголовная политика, криминализационная избыточность.

Для цитирования: Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 139–161. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.139.161

Research article

Patterns of Development and Functioning Institute of Exemption from Criminal Liability

 **Vladimir K. Andrianov¹, Yury E. Pudovochkin²**

¹ Russian State University of Justice, 69 Novocheremushkinskaya Str., Moscow 117418, Russia,

² Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaya Kudrinskaya Str., Moscow 125993, Russia,

¹ andrianov_vk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2270-2145>

² 11081975@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>

Abstract

The emergence, development and functioning of the institution of exemption from criminal liability is characterized by several patterns. Their identification and description is the key to understanding its essence, evolution and current state. Despite numerous studies on the institution of exemption from criminal liability, no attempt has been made yet to study its socio-legal nature through patterns, which necessitates the conduct of this study. The work is based on the theoretical doctrines on social, historical, and criminological conditions of criminal law and criminal policy that have become established in Russian science. The

authors adhere to a dialectical view on the development of criminal law and its institutions, which involves the identification and study of the underlying contradictions of social and legal development. To study the laws of development and functioning of the institution of exemption from criminal liability, historical, statistical, analytical, and documentary methods are used. The paper identifies and analyzes the patterns of the institution of exemption from criminal liability, characterizing: the humanization of criminal law; the development of criminal law as a means of social management; the conditionality of the content of criminal law norms by social behavior of people; the dependence of the type of settlement of criminal conflict on the concept of the relationship between the state and the individual in society; the socio-historical genesis of the institution of exemption from responsibility; trends in the internal development of the institution of exemption from criminal liability and its functioning in practice. According to the results of the analysis, the authors conclude that the institution of exemption from criminal liability, which naturally emerged and develops as a humanistic response to the shortcomings and costs of criminal punishment, aimed at correcting low-risk criminals and compensation for harm caused by a crime, now functions as a dialectic opposite of the legislative trend of increasing the scale of criminalization, an intrasystem criminal law mechanism to deter and overcome criminalization redundancy of the criminal law, which distorts its social and legal nature and purpose.



Keywords

alternatives to prosecution, exemption from liability, humanization of criminal law, public danger of crime, criminal policy, criminal redundancy.

For citation: Andrianov V.K., Pudovochkin Yu.E. (2022) Patterns of Development and Functioning Institute of Exemption from Criminal Liability. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 15, no. 5, pp. 139–161 (in Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2022.5.139.161

Введение

Одной из знаковых тенденций развития уголовной политики и современного уголовного права, отчетливо фиксируемой с момента констатации специалистами «кризиса уголовного наказания», стало активное внедрение в уголовный закон и правоприменительную практику различных по содержанию и методам воплощения концепций минимизации наказания и замены его по возможности иными, альтернативными средствами разрешения уголовно-правовых конфликтов. Данная закономерность возникает на фоне общих закономерностей развития социально-политической жизни (в частности, демократизации общественного строя, гуманизации социальных отношений) и права (повышения значения субъективных прав, взаимопроникновение отраслевых методов и т.д.) и напрямую зависит от них.

История уголовного права убедительно свидетельствует, что по мере изживания стереотипов репрессивного мышления и преодоления гипертрофированных понятий о роли и возможностях уголовной кары в решении криминологических и социальных проблем повышается значимость аль-

тернативных способов регулирования уголовно-правовых конфликтов. Это приводит как минимум к двум взаимосвязанным результатам. Во-первых, к утрате актуальности модели уголовной политики, основанной на эксплуатации единственной (карательной) стратегии уголовно-правового воздействия, с одновременным наращиванием потенциала такой модели, которая основывается на плюралистических концепциях уголовно-правового воздействия, включающих карательные и не карательные механизмы. Во-вторых, к минимизации масштабов использования сугубо запретительно-карательной стратегии решения уголовно-правовых конфликтов и расширению поля стратегии восстановительно-предупредительной, гуманистической и гуманитарно-ориентированной. Одним из действенных правовых инструментов, выражающих этот уголовно-политический сдвиг, получивших признание и поддержку в отечественной правовой системе, выступает институт освобождения от уголовной ответственности.

Этот правовой институт в последние годы: существенным образом расширил свое присутствие в тексте уголовного закона (как в нормах Общей части, так и в специальных примечаниях к статьям Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации; далее — УК РФ; УК); был неоднократно легитимирован Конституционным Судом Российской Федерации и получил с его стороны развернутую интерпретацию с точки зрения соблюдения и воплощения конституционных принципов регулирования уголовно-правовых отношений; получил распространение в судебной практике, будучи применяемым почти к каждому пятому лицу, представшему перед судом; получил официальное истолкование в правовых позициях высшей судебной инстанции на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ); стал предметом исследования в десятках, если не в сотнях научных работ различного масштаба и характера.

Отмеченные обстоятельства убедительно свидетельствуют о фундаментальной значимости института освобождения от уголовной ответственности в системе современных доктринальных и правоприменительных взглядов на средства уголовно-правового противодействия преступности. Накопленный к сегодняшнему дню опыт нормативного регулирования, практики применения и доктринального анализа института освобождения от уголовной ответственности ставит на повестку дня необходимость обобщающих исследований этого правового средства, выявление общих тенденций и закономерностей его развития и функционирования, без знания которых, по нашему убеждению, невозможно в должной степени ни оценить его текущее состояние, ни наметить возможные направления дальнейшего развития. Откликаясь на эту потребность, авторы настоящей публикации, развивая и углубляя ранее сформулированный общий подход к проблематике уголовно-правовых закономерностей, обращаются к частным вопросам закономерностей института освобождения от уголовной ответственно-

сти. Исходной точкой анализа выступает тезис о социально-политической и специально-юридических сторонах содержания права, а отсюда — о целесообразности вычленения закономерностей, характеризующих социально-политический и специально-юридический генезис и функционирование института освобождения от уголовной ответственности. Каждый из них может быть представлен комплексом частных закономерностей, которые самым тесным образом взаимосвязаны и взаимозависимы.

1. Гуманизация уголовного права

Закономерности гуманизации уголовного права выражают появление и распространение в его содержании альтернативных уголовному осуждению и наказанию институтов, в том числе освобождения от уголовной ответственности под влиянием общих закономерностей развития общества, государства и права.

Общая закономерность, существенно повлиявшая на развитие альтернатив традиционным карательным мерам, в том числе института освобождения от уголовной ответственности, состоит в том, что по мере роста уровня общественного сознания, а вместе с ним — и удельного веса социально-одобряемого человеческого поведения, методы государственно-принудительного воздействия, служащие предупреждению преступления и ответственности за него, все более гуманизируются.

Существенными проявлениями гуманизации уголовного права могут служить, в частности, такие важные исторические факты, как запрет на применение уголовного закона по аналогии, отказ от сословно-классового подхода к определению оснований уголовной ответственности и наказуемости, признание уголовно-правовой охраны прав и свобод человека первоочередной задачей, учет степени вменяемости при определении уголовно-правовых последствий, последовательное расширение круга обстоятельств, исключающих преступность, а также перечня наказаний, не связанных с лишением свободы, и т.д. Крупным «притоком» этой тенденции, с одной стороны, сформированным общей закономерностью гуманизации уголовного права, а с другой стороны, подпитывающим ее, является и развитие института освобождения от уголовной ответственности.

Следует отметить, что речь идет о гуманизации уголовного права как о длительном тренде его развития, действие которого не исключает, что в отдельно взятые периоды истории уголовного законодательства в качестве относительно коротких отступлений наблюдаются отдельные всплески репрессивности уголовной политики.

Во многом такое пересечение и наложение различных трендов в условиях преобладания субъективных факторов в восприятии уровня гуманизма/

репрессивности уголовной политики является причиной неоднозначной доктринальной оценки ее тенденций: одна группа авторов, как известно, критикует современную уголовную политику за чрезмерный либерализм [Смирнов А.М., 2018: 310–314], другие ученые, напротив, — за избыточную репрессивность [Рарог А.И., 2014: 88–95].

Признавая неизбежной неоднородную реакцию различных социальных групп и деятелей научного сообщества на уголовную политику, мы считаем необходимым в оценке ее направленности различать длинные тренды (закономерные тенденции) и короткие тренды. Длинные тренды задают глобальные направления развития права, в том числе в уголовно-правовой сфере и прокладывают себе дорогу в той или иной степени в законодательстве практически всех стран независимо от их конституционного строя и принадлежности к той или иной правовой семье.

Такие тренды выявляются при анализе общего эволюционного пути развития законодательства, они обусловлены глубинными объективными факторами, более стабильны и устойчивы к колебаниям текущего правотворчества, более «свободны» от субъективных и волюнтаристских факторов правообразования, т.е. обладают чертами закономерностей развития. При этом, чем глубиннее объективные факторы, обуславливающие право, тем стабильнее и устойчивее тенденции его развития. Длинные тренды в большей степени обуславливаются объективными, «базисными» факторами правообразования, а короткие — субъективными или временными обстоятельствами.

Применительно к уголовной политике это выражается в том, что изменение ее текущего тренда, колебание уровня ее репрессивности/ либеральности в большей мере зависит от надстроечных факторов (политического режима, уровня легитимности власти, взаимоотношений гражданского общества и государства, целесообразности социально-управленческой деятельности, субъективизма в нормотворчестве, репрессивности профессионального и массового сознания, объема «конъюнктурной», «ситуативной» преступности и т.п.). В то время как за длинными трендами уголовной политики стоят такие сущностные факторы, как потребности в охране универсальных ценностей от наиболее опасных посягательств, состояние ядра преступности, закономерности взаимосвязи экономических, демографических, психологических и иных объективных социальных процессов и процессов криминализации и пенализации.

Тот факт, что феномен освобождения от уголовной ответственности зародился уже в первых правовых памятниках и по мере дальнейшего развития российского уголовного законодательства институализировался и разрастался в направлении разнообразия видов и практической распространенности, говорит о том, что его генезис и функционирование обусловлены

глобальным трендом, выражающим гуманистическую эволюции общества и права, а также глубинными объективными факторами.

2. Развитие уголовного права как средства социального управления

Закономерности развития уголовного права в данном русле демонстрируют влияние объективных тенденций эволюции управленческих технологий на формирование и содержание альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта, а через них, в частности, на институт освобождения от уголовной ответственности. Можно выделить как минимум две наиболее существенные из этих общих закономерностей.

Первая отражает повышение действенности социального управления по мере рационализации и комплексного применения различных способов воздействия (поощрения и наказания) на управленческий объект. Учитывая этот факт, законодатель обоснованно заложил в УК РФ прогрессивную и гибкую систему самых различных по содержанию мер уголовно-правового воздействия, основной принцип которой состоит в усилении степени принуждения и репрессии при нарастающем негативном поведении лица и, соответственно, в ее уменьшении вплоть до отказа от принуждения) — при позитивном.

Вторая закономерность отражает зависимость эффективности управляющего воздействия от оптимального соотношении императивного и диспозитивного регулирования. В сфере права каждый из этих методов начинал свою жизнь в чистом виде в рамках отраслей (традиционно считается, что происхождение императивного метода обусловлено предметом уголовного права, а диспозитивного — предметом гражданского права), затем эти первичные методы стали использоваться отраслями права в различных сочетаниях и комбинациях. Сегодня не вызывает, в частности, сомнений, что уголовное право, сохраняя преобладание императивного метода, характеризуется тенденцией расширения сферы применения диспозитивного правового регулирования.

Отмеченные закономерности, являясь специфическим проявлением общего закона единства и борьбы противоположностей, подчеркивают его важность в развитии альтернативных наказанию способов урегулирования уголовно-правового конфликта и, в частности, института освобождения от уголовной ответственности. Основной импульс развитию здесь дает потребность в нахождении баланса, компромисса между такими свойственными уголовному праву противоположностями, как: присущая отрасли императивность против распространения диспозитивных начал в уголовно-правовом регулировании; достижение задач уголовного права на основе традиционных мер принуждения против увеличения использования поощрения;

расширение круга преступных деяний в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК) против расширения перечня оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания в Общей части УК; гуманизм к потерпевшему против гуманизма к преступнику; неотвратимость ответственности против нецелесообразности ее реализации; законодательная оценка против фактической оценки степени общественной опасности преступления и лица, его совершившего.

Верны объяснения природы института освобождения от уголовной ответственности, в которых авторы исходят из диалектической противоречивости [Сундуров Ф.Р., 2012: 152]; [Балафендиев А.М., 2016: 4]. Обоснованной является сформулированная в доктрине и воплощенная в законодательстве концепция компромисса, предполагающая смягчение или освобождение от уголовной ответственности в обмен на осуществление лицом, совершившим преступление, определенного позитивного постпреступного поведения, позволяющего, с одной стороны, способствовать наиболее полной компенсации причиненного преступлением вреда и достижению восстановительных задач, а, с другой стороны, экономя силы и средства правоохранительных органов, обеспечить раскрываемость иных, как правило, более тяжких и опасных преступлений [Аликперов Х.Д., 1992: 65].

3. Обусловленность норм уголовного права социальным поведением индивидов

Закономерности обусловленности норм уголовного права социальным поведением личностей напрямую воплощаются в генезисе института освобождения от уголовной ответственности, так как в его основе лежит оценка как минимум двух типов поведения: послужившего основой привлечения к ответственности и выступающего условием освобождения от нее.

Мнения ученых о социально-криминологических основаниях освобождения от уголовной ответственности разделились. Некоторые специалисты рассматривают их в контексте анализа социально-правовой категории «общественная опасность»: одна группа авторов связывает освобождение с утратой лицом, совершившим преступление, его прежней общественной опасности [Ендольцева А.В., 2005: 21]; [Благов Е.В., 2018: 161]; другие — с отпадением или снижением общественной опасности преступника и совершенного им деяния [Келина С.Г., 1974: 71]; третьи — с утратой или снижением общественной опасности виновного лица и (или) совершенного им преступления [Егоров В.С., 2002: 89]; [Матвеева Я.М., 2015: 46].

Другие исследователи сосредотачивают внимание на политико-управленческих аспектах освобождения от ответственности и полагают, что существование данного института в уголовном праве продиктовано началами це-

лесообразности [Бавсун М.В., 2002: 12–13]; [Звечаровский И.Э., Иванов А.Л., 2015: 13]. М.А. Кауфман, к примеру, предлагает рассматривать в качестве основания освобождения от уголовной ответственности нецелесообразность привлечения к ней, основанную на принципе экономии уголовной репрессии [Кауфман М.А., 2021: 152–153].

Такой подход не дает исчерпывающего объяснения оснований освобождения от ответственности, поскольку экономия репрессии, как и целесообразность, есть феномены вторичные и производные. Целесообразность должна рассматриваться как соотношение затрат и результата в сфере взаимодействия интересов субъектов уголовного права, которое в свою очередь должно базироваться на социальных закономерностях. Как замечает Т.Г. Понятовская: «Условия и основания освобождения от уголовной ответственности должны давать нам ясное представление о том, по какой причине (социально-политической, правовой необходимости) государство отказывается от реализации своей обязанности...» [Понятовская Т.Г., 2015: 94]. Достижение этой ясности предполагает, в первую очередь, понимание социальных закономерностей, обуславливающих формирование рассматриваемого института.

На наш взгляд, изучение обстоятельств, с которыми уголовный закон связывает освобождение от уголовной ответственности, наводит на мысль о том, что законодатель при отборе и придании им соответствующего значения исходил из двух социальных закономерностей: «искупления вины» (чем активнее устранение зла, тем больше оснований прощения, что давно подмечено народной мудростью в пословице «повинную голову меч не сечет») и «запоздалой кары» (чем отдаленнее момент кары от момента содеянного, тем меньше от нее пользы; здесь уместно вспомнить известные пословицы «кто старое (т.е. зло) помянет, тому глаз вон» или «кто старое вспомянет, того черт на расправу потянет»).

Закономерность искупления вины раскрывается через понимание феноменов общественной опасности преступления и лица, его совершившего.

Общественная опасность преступления — его свойство, означающее способность причинять существенный вред общественным отношениям, находящимся под охраной уголовного закона. Она раскрывается, как известно, через описание ее характера и степени. Как разъясняется в Постановлении Пленума ВС РФ от 22.12.2015 №58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», характер общественной опасности преступления определяется направленностью деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Степень общественной опасности преступления зависит от обстоятельств содеянного, в частности, от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла либо неосторожности.

Общественная опасность лица, совершившего преступление (а такое понятие, несмотря на все теоретические дискуссии, получило нормативную «прописку» в ст. 75, 80.1 УК), также имеет два аспекта. Первый вытекает из опасности преступления, т.е. отражает ретроспективную общественную опасность личности. Второй аспект связан с возможной общественной опасностью личности в будущем, т.е. показывает ее перспективную опасность. Главными при оценке перспективной общественной опасности личности должны быть ее позитивные свойства, а, точнее, соотношение удельного веса позитивных и негативных показателей. В целом общественная опасность личности преступника должна быть определена на основе соотношения тяжести причиненного преступлением вреда и положительных и отрицательных характеристик его личности [Бурлаков В.Н., 2011: 15–16].

Исходя из этих рассуждений, следует признать, что именно степень общественной опасности преступления поддается уменьшению, а положительные характеристики личности, напротив, увеличению в связи с определенными видами позитивного посткриминального поведения лица (п. «и», «к» ст. 61, 75, 76, 76.1, 76.2 УК), выражающего восстановление нарушенного отношения (интереса, блага) или минимизацию причиненного преступлением вреда.

Закономерность запоздалой кары, обуславливающая существование в уголовном праве института давности, свидетельствует, что по прошествии более или менее значительного срока после совершения преступления привлечение лица к ответственности становится нецелесообразным ввиду затрудненности достижения целей наказания (предупреждения, исправления) и возможного снижения или вовсе утраты общественной опасности лица, совершившего преступление, а также трудностей процессуального доказывания и разрешения дела.

Важное значение для понимания природы современного института освобождения от уголовной ответственности имеют и социально-экономические закономерности, учитывая которые законодатель стремится, во-первых, уменьшить количество судимых и негативные социальные последствия судимости, во-вторых, пополнить посредством денежных взысканий и возмещений (ст. 76.1 и 76.2 УК) доходы бюджета, компенсировав расходы государства на борьбу с преступностью [Кострова М.Б., 2017: 73–79].

4. Зависимость типа урегулирования уголовно-правового конфликта от концепции взаимоотношений государства и личности

Данная зависимость оказывает прямое и непосредственное влияние на институт освобождения от уголовной ответственности. Содержание зависимости может быть выражено в двух взаимосвязанных закономерностях.

Первую закономерность, характеризующую удельный вес в системе уголовно-правового регулирования карательных и восстановительных задач и мер, охарактеризуем следующими тезисами: в обществах, которым присущ приоритет государственных интересов над личными, центр тяжести уголовно-правового регулирования лежит на наказании, а в системе альтернативных способов основное место занимают различные формы искупления вины перед государством; в тех обществах, где в приоритете интересы личности, центр тяжести уголовно-правового регулирования смещается в сторону альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта, а в их системе повышается удельный вес примирительных процедур и возмещения вреда потерпевшему.

Оценивая с позиции отмеченной закономерности систему урегулирования уголовно-правовых конфликтов, сложившуюся в уголовном законодательстве постсоветской России, следует отнести ее к промежуточному (переходному) типу, для которого в силу неизжитой репрессивности профессионального и обыденного сознания и преобладания силовых стратегий управления общественными процессами характерна избыточная криминализация и пенализация деяний. Потому следует всерьез задуматься над переориентированием современной уголовной политики с разрешения уголовно-правового конфликта посредством преимущественно карательных механизмов и мер государственного принуждения на его урегулирование максимально возможным мирным путем с возмещением вреда, причиненного преступлением потерпевшему и обществу.

Соответствующая идея заложена в Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, разработанной под эгидой Общественной палаты. В данном документе, не поддержанном государством, подчеркивается важность: гарантирования прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений; создания условий для максимально полной компенсации причиненного преступлением вреда; модернизации системы уголовно-правовых последствий преступлений с одновременным решением карательных, восстановительных, социально-реинтеграционных и превентивных задач; внедрения уголовно-правовых конструкций, создающих основу решения задач обязательной компенсации вреда и оказания иной помощи потерпевшим от преступлений¹.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, в разделе «Развитие социальных институтов и социальная политика» в качестве приоритетного направления также отмечена необходимость системы профилактики правонарушений; в том числе названы: «формирование и развитие механизмов восстанови-

¹ Available at: URL: <http://www.oprf.ru> (дата обращения: 20.12.2020)

тельного правосудия, создание службы пробации, обеспечивающей социально-психологическое сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и реабилитационное насыщение приговоров судов в части реализации принудительных мер воспитательного воздействия, реализация технологий восстановительного правосудия и проведения примирительных процедур»².

Вторую, характеризующую правовое положение (роль) личности и государства в разрешении уголовно-правовых конфликтов, закономерность позволяет выделить сравнительно-правовой анализ норм об освобождении от уголовной ответственности, содержащихся в уголовном законодательстве России и СНГ, с одной стороны, стран Европы и США, с другой.

Общий исторический путь развития, который прошли страны СНГ, с характерной для них этатизацией общественной жизни, закономерно обусловили исключительную роль государства как участника уголовно-правовых отношений, в том числе в механизме освобождения от уголовной ответственности. Законодательство стран СНГ оставляет государству свободу усмотрения в оценке обстоятельств, служащих основаниями освобождения от уголовной ответственности, и право на принятие соответствующих решений.

Напротив, присущая странам Западной Европы и США деэтиатизация общественных отношений закономерно привела к воплощению идеи социальной саморегуляции, относительной автономности в разрешении уголовно-правового конфликта и к минимизации государственного участия в нем. Ярким примером и воплощением этой закономерности служит институт медиации в уголовных делах. Его успешный опыт восстановительной процедуры, предполагающей добровольное и активное участие сторон, самостоятельность служб медиации, их независимость от системы правосудия по уголовным делам и равносильность медиативного соглашения судебному акту о прекращении уголовного дела, широко распространен в США и государствах Европы. В силу ряда социально-политических закономерностей этот институт плохо приживается в России [Сенина Е.Н., 2022: 464–484].

В пояснительной записке к Рекомендации, посвященной медиации в уголовных делах, отмечается, что существенной разницей между традиционным уголовным судопроизводством и медиацией является смена главных действующих лиц. Если основными действующими лицами первого выступают государство и правонарушитель, то в медиации на первый план в качестве сторон в уголовном деле выступают пострадавший и правонарушитель. Та-

² Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») // СПС КонсультантПлюс.

ким образом, к числу первостепенных задач медиации относится обеспечение сторонам возможности обсуждать собственный конфликт и урегулировать его к взаимному удовлетворению. Это предполагает, что стороны играют более активную и конструктивную, решающую роль³.

В связи с этим заслуживает поддержки законопроект «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения», разработанный С.А. Пашиным [Пашин С.А., 2016: 15–21].

5. Социально-исторический генезис института освобождения от ответственности

Социально-исторические закономерности генезиса института освобождения от ответственности проявляются прежде всего в становлении публично-правовой природы уголовно-правовых норм и соотношении частных и публичных интересов в сфере уголовного права. Изучение истории российского уголовного права в этом аспекте обнаруживает цикличность: если на первых порах генезиса государства и права роль частного интереса в уголовном праве откровенно преобладала, то к позднему Средневековью она уравнилась со значением публичного интереса, затем была оттеснена (а в тоталитарных государствах вытеснена) на периферию уголовного права и, наконец, в современном государстве вновь стала заметной (с не исключенной перспективой к доминированию).

Сообразно этому происходит и развитие института освобождения от уголовной ответственности: вначале в нем доминировал частноправовой, затем публично-правовой (государственный и общественный) интерес, в настоящее время вновь возрастает актуальность идей восстановительной юстиции.

Данная закономерность подтверждается изучением истории развития альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта в российском уголовном законодательстве:

первые правовые памятники Древней Руси в качестве условий отказа государства от публичного преследования устанавливали требование выплаты потерпевшему компенсации и примирения сторон. Так, в ст. 13–17 «Русской Правды» было установлено правило возмещения вреда, нанесенного владельцу смертью зависимых работников, в виде уплаты гривен; в ст. 18 — о возмещении цены испорченной вещи, в ст. 28 — о возмещении ущерба родственникам убитого. В Псковской судной грамоте предусматри-

³ См.: Рекомендация № R (99)19 Комитета министров Совета Европы «О посредничестве в уголовных делах» (вместе с «Пояснительным меморандумом»; принята 15.09.1999).

вალაშ возможность примирения сторон: так, по ст. 80 участников драки не наказывали, если они решили дело миром [Чистяков О.И., 1986: 57, 58, 374]. В Судебнике 1497 г. также предусматривалось прекращение дела примирением сторон: например, ст. 53 Судебника устанавливала возможность мирного решения конфликта по ряду частных дел как до обращения в суд, так и после начала судебного разбирательства, при этом мировое соглашение считалось действительным после утверждения его судьей [Чистяков О.И., 1986: 86–87].

централизация российского государства (в XV в.) и переоценка сущности преступления как деяния опасного обществу в целом обусловили придание уголовно-правового значения обстоятельствам, выражающим публичный интерес. В уголовном законодательстве в качестве обстоятельств, смягчающих наказание или освобождающих от ответственности, получают признание добровольная явка с повинной и деятельное раскаяние. Например, в ст. 96 Артикула воинского (1715) предусматривалась норма о замене смертной казни более мягким наказанием шпицрутенами в связи с добровольной явкой дезертира в полк и его раскаянием в содеянном [Чистяков О.И., 1986: 344].

характерный для советского строя приоритет государственных и общественных интересов закономерно привел к тому, что сформировавшийся в социалистическом уголовном праве институт освобождения от уголовной ответственности исключал договор между виновным и потерпевшим. Напомним, что УК РСФСР (1960) предусматривал следующие виды освобождения от уголовной ответственности: в связи с истечением сроков давности (ст. 48); вследствие изменения обстановки (ст. 50); в случае привлечения лица к административной ответственности (ст. 50.1); в связи с передачей дела в товарищеский суд (ст. 51); в результате передачи лица на поруки общественной организации или трудовому коллективу (ст. 52); в связи с направлением несовершеннолетнего в комиссию по делам несовершеннолетних для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 10). С точки зрения влияния объективных закономерностей социалистического общества и государства на содержание института освобождения от уголовной ответственности А.В. Ендольцева справедливо отмечает: «Нормы Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и УК РСФСР 1960 г. свидетельствуют о том, что законодатель стремился к достижению цели исправления и перевоспитания лиц, совершивших преступления, путем не только реализации потенциала государственного института уголовно-правового принуждения, но и с помощью использования государственно-общественного либо только общественного воздействия» [Ендольцева А.В., 2005: 17, 20].

с принятием нынешнего УК (1996) и его последующим реформированием вновь проявилась тенденция к возрастанию роли частноправового интере-

са в механизме разрешения уголовно-правового конфликта, обусловленная сменой общественно-политического строя. Подтверждением этому является установление общей нормы о примирении с потерпевшим, а также придание юридического значения фактам возмещения вреда потерпевшему во многих уголовно-правовых нормах (ст. 61, 74, 75, 76, 79, 80, 86 УК).

Данная закономерность находит подтверждение и проявляется в развитии явлений уголовного права. Так, М.С. Афанасова, изучив основные направления эволюции норм о возмещении вреда в уголовном праве, установила закономерность: «по мере утверждения публичных начал отраслевого регулирования целевое назначение мер по возмещению вреда и их место в системе права существенно трансформировалось: от приоритетного средства частного удовлетворения потерпевшего и комплементарного вознаграждения государства — через существование параллельной системы публичных наказаний и мер частного возмещения вреда в уголовном праве — к эксклюзивному праву государства на получение удовлетворения от преступника с допущением некоторых отступлений в пользу интересов потерпевшего. Современный этап развития уголовного права, как представляется, знаменует собой очередной виток в развитии идеи возмещения ущерба, отражающий конституционные начала равенства во взаимоотношениях личности и государства и «гуманистический поворот» уголовного закона в пользу минимизации уголовной репрессии и приоритетного удовлетворения интересов потерпевших от преступлений» [Афанасова М.С., 2020: 200].

6. Внутреннее развитие института освобождения от уголовной ответственности

Рассмотрим тенденции развития уголовно-правовых норм об освобождении от уголовной ответственности в системе уголовного права. Необходимость построения более гибкого механизма уголовно-правового регулирования, дающего возможность сочетать традиционные для уголовного права отношения, в которых виновный обязан претерпеть, а государство назначить ему наказание, с диспозитивными элементами, позволяющими стимулировать и поощрять позитивную посткриминальную активность лиц, совершивших преступление, и тем самым влиять своим правомерным поведением на уголовно-правовые последствия, осознана законодателем как важное направление реформирования уголовного права еще в процессе разработки нынешнего УК.

К настоящему времени в качестве закономерных тенденций последующего развития уголовно-правовых норм об освобождении от уголовной ответственности следует отметить следующие:

юридико-техническое обособление в отдельную главу (гл. 11 УК) и институционализация норм об освобождении от уголовной ответственности в системе уголовного права;

смещение акцентов с условных на безусловные виды освобождения от ответственности, отражающее изменившуюся степень доверия государства к личности, преступившей закон и признание ее способности к самостоятельной коррекции социального поведения;

перенос центра тяжести с мер не карательного воздействия, применяемых при освобождении от ответственности, т.е. фактически с последствий освобождения от ответственности, на условия, позволяющие применить данный институт — позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление;

переход от идеи обязательного общественного или государственно-общественного воздействия непосредственно на лиц, освобожденных от ответственности, к идее восстановления правонарушителем или иным лицом с его согласия или по его просьбе нарушенных преступлением частных и общественных интересов (фактически — от идеи исправления к идее восстановления);

расширение перечня общих и специальных видов освобождения от уголовной ответственности (напомним, что глава 11 УК РФ в действующей редакции насчитывает уже пять общих видов освобождения; число примечаний к статьям Особенной части с момента принятия УК возросло с 8 до 50 по состоянию на 24.09.2022).

Несмотря на закономерный характер тенденции расширения альтернативных наказанию способов урегулирования уголовно-правового конфликта и, в частности, на развитие института освобождения от уголовной ответственности, такая уголовно-правовая политика встречает не только поддержку ученых, но и критику некоторых авторов, полагающих, что подобные изменения носят деструктивный характер и способны переродить уголовное право в восстановительно-откупное право [Назаренко Г.В., 2012: 156–159]. С этим решительно нельзя согласиться, особенно в свете характерной для УК РФ криминализационной избыточности и ограниченной объективными факторами деятельности по борьбе с преступностью.

7. Социально-политические закономерности дальнейшей эволюции института освобождения от уголовной ответственности

Указанные закономерности являют собой прогностические тенденции развития уголовно-правовых норм об освобождении от ответственности в контексте более общих трендов уголовной политики.

Оценивая перспективу изучаемого института, следует подчеркнуть еще одну закономерность — зависимость дальнейшего развития альтернативных уголовному осуждению и наказанию институтов, в том числе освобождения от уголовной ответственности, от объема законодательной криминализации: чем он больше, тем неизбежно шире перечень, сфера и практика применения различных видов (оснований) освобождения и мер уголовно-правового характера, не являющихся уголовным наказанием. Такая зависимость обуславливается многими факторами как социального (демографическими и экономическими проблемами России), так и правового порядка (принципами экономии уголовной репрессии, гуманизма и справедливости, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности).

В связи с этим необходимо выделить две потенциально возможные тенденции дальнейшего развития института освобождения от уголовной ответственности, выражающие сужение или расширение сферы его применения в зависимости от более общих тенденций развития уголовного законодательства, связанных с криминализацией, декриминализацией и пенализацией.

Первая, более предпочтительная, но менее вероятная — декриминализация наименее опасных деяний, в конечном итоге построение «маленького и жесткого Уголовного кодекса» с сохранением только безусловных преступлений, предполагающих неотвратимое или, по крайней мере, преимущественное привлечение к уголовной ответственности и применение наказаний как реакции на их совершение. Такая тенденция предполагает в уголовном законе минимально необходимый перечень видов освобождения от уголовной ответственности, применяемых в исключительных случаях в отношении лиц, полностью восстановивших нарушенные отношения и утративших прежнюю общественную опасность.

Вторая, менее предпочтительная, но более вероятная в ближайшей перспективе ввиду криминализационной избыточности и пенализационной разбалансированности тенденция — дальнейшее расширение перечня видов и оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания, т.е. создание «большого, но мягкого» Уголовного кодекса. Как пишет А.И. Коробеев, «своеобразная особенность нынешнего этапа развития уголовно-правовой политики состоит в том, что смягчение уголовной репрессии, ограничение уголовно-правового воздействия происходит в большей степени — за счет установления в законе и широкого применения на практике различных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания и в меньшей степени — за счет декриминализации общественно опасных деяний» [Коробеев А.И., 2019: 295].

В прогностическом отношении следует упомянуть законодательную инициативу о введении понятия уголовного проступка, с которой выступил ВС РФ. В плане рассматриваемой тенденции дальнейшего развития института

освобождения от уголовной ответственности внесенный им в 2020 г. в Государственную Думу законопроект предлагает расширить основания и виды иных мер уголовно-правового характера, применяемых при освобождении от уголовной ответственности в порядке ст. 76.2 УК, отнеся к ним помимо судебного штрафа также общественные работы и ограниченно оплачиваемые работы⁴.

Исходя из многих соображений, в том числе из возможностей средне-статистического гражданина, на правосознание которого рассчитаны требования уголовного закона, что в процессе гуманизации уголовной политики необходимо сделать ставку на декриминализацию, а не на дальнейшее расширение перечня видов и оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания и тем самым — усложнения их соотношения, конкуренции и правил применения.

8. Функционирование института освобождения от уголовной ответственности

Закономерности функционирования указанного института выражают его применение в качестве инструмента сдержек и противовесов избыточной криминализации и пенализации.

В условиях несбалансированной уголовной политики отмечается обратная зависимость объемов криминализации и уровня репрессивности судебной практики: чем избыточнее криминализация, тем выше уровень применения на практике не являющихся наказанием иных мер уголовно-правового воздействия, в первую очередь, различных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания. Путем их широкого применения система пытается смягчить чрезмерность уголовной репрессии (криминализации, пенализации), заложенной в законе, и уменьшить издержки ее применения, в том числе снизить процессуальную (судебную) нагрузку по уголовным делам.

В подтверждение данной проведем сравнительный анализ криминализационных и депенализационных процессов, соответственно — в законе и в юридической практике. Обобщение изменений, внесенных в УК РФ за 23-летний период его действия, показывает устойчивую тенденцию значительного преобладания криминализационных процессов относительно декриминализационных в практике законоотворчества. В результате дей-

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 №24 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».

ствующий уголовный кодекс приобрел в качестве негативной черты криминализационную избыточность, на что справедливо обращают внимание законодателя многие ученые. Примеры этого находят во множестве глав его Особенной части. Показательна гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности». Как отмечает Н.А. Лопашенко, «излишняя криминализация, характерная для современного уголовного экономического (да и всего в целом) законодательства, лишь подрывает его авторитет, поскольку принятые на уровне закона решения не претворяются в действительность на практике; происходит то, что недопустимо в принципе, — корректировка уголовно-правовой политики, облаченной в форму закона, на уровне правоприменения» [Лопашенко Н.А., 2009: 218].

Криминализационный настрой законодателя компенсируется подходом судов к разрешению уголовно-правовых конфликтов, который характеризуется широким применением различных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания. Доступная статистическая информация⁵ показывает, что в 2021 году было освобождено от уголовной ответственности 156772 лиц, в том числе в связи с: деятельным раскаянием — 7770; примирением с потерпевшим — 99491; применением принудительных мер воспитательного воздействия — 1526; истечением сроков давности — 4687; на основании примечания к статьям УК — 6547; возмещением ущерба по делам экономической направленности — 72; с назначением судебного штрафа — 36679. Изучение динамики численности лиц, освобожденных от уголовной ответственности за последние пять лет, свидетельствует, что ежегодно отечественные суды освобождают от уголовной ответственности в среднем около 180 тыс. человек.

Данная закономерная тенденция усиливается и данными об освобождении от уголовного наказания. Так, в 2021 году было освобождено от наказания и отбывания наказания 235188 лиц, в том числе в связи с: условным осуждением — 170395 человек; условно-досрочным освобождением — 29759; заменой неотбытой части наказания более мягким его видом — 24912; изменением обстановки — 140; болезнью — 2107; беременностью или наличием ребенка до 14 лет — 1654; наркоманией — 19; истечением сроков давности — 1616; применением принудительных мер воспитательного воздействия — 828; раскаянием, примирением и возмещением ущерба при изменении категории преступления — 3555; по примечаниям к статьям особенной части УК — 203.

⁵ Здесь и далее при анализе используются сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год, аккумулируемые Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Available at: URL: <https://cdep.sudrf.ru> (дата обращения: 24.11.2022)

Анализ показывает, что количество актов практической депенализации в 2021 году затронуло около 400 000 человек.

Сопоставимые по масштабам данные демонстрирует статистика и за иные предшествующие годы, что свидетельствует об устойчивой тенденции использования правоприменителем возможностей УК РФ для смягчения избыточной криминализации и пенализации. Как отмечает А.И. Коробеев, «депенализация (и в законе, и на практике) на современном этапе развития отечественной уголовно-правовой политики выбрана одним из главных инструментов удержания равновесия между завешенными ожиданиями успехов в бескомпромиссной борьбе с преступностью и реальными возможностями такой борьбы» [Коробеев А.И., 2019: 310].

В данном случае срабатывает компенсаторный механизм, ослабляющий и ограничивающий масштабы нормативно предписанной уголовной репрессии за счет расширенного применения различных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания. Этот механизм является защитным, системосохраняющим. Он вызван к жизни дефектами уголовной политики и объективной потребностью в их преодолении. Механизм построен на противоречии, но надо признать, что это противоречие в ситуации подлинно правового государства с присущими ему принципами разделения властей и независимости суда является (до известных пределов) закономерным. Другое дело, что в условиях сбалансированной уголовной политики оно может быть не так явно выражено или проявляться в иных формах. В специфических российских условиях сегодняшнего дня эта закономерность приобретает совершенно особое значение. Имея ее в виду, нужно, однако, осознавать, что отмеченное различие между законодательным и судебным подходами к реализации уголовной политики может сдерживаться лишь до некоторого предела, за которым возможно открытое противостояние между ветвями власти, приводящее к уголовно-политическому коллапсу.

Заключение

Одной из важнейших закономерностей эволюции уголовного права выступает постепенное повышение роли и значимости в уголовно-правовом регулировании альтернативных наказанию способов разрешения конфликта, вызванного преступлением, в частности, формирование и развитие института освобождения от уголовной ответственности.

Эта закономерная тенденция сталкивается в рамках присущей уголовному праву диалектической противоречивости со своей противоположностью — с нарастанием криминализации в связи с расширением спектра прав человека, ростом обязанностей государства по их охране и иными общественно значимыми факторами. Однако феномен преобладания числа кримина-

лизированных деяний над декриминализованными приводит постепенно к криминализационной избыточности и пенализационной несбалансированности УК. В такой ситуации институт освобождения от уголовной ответственности во многом вынужден функционировать не по своему прямому назначению в качестве средства реагирования на преступление, а в качестве предусмотренного самим законом средства смягчения и минимизации издержек чрезмерной уголовной репрессии, ограничения объема ее применения.

Преодоление на нормативном уровне репрессивной уголовно-правовой парадигмы, все еще превалирующей в российском государстве, закономерно приведет к смещению центра тяжести в борьбе с преступностью с мер государственного принуждения к юридическим механизмам, действие которых построено на идеях восстановительного правосудия и компромисса, и будет способствовать использованию института освобождения от уголовной ответственности по его прямому назначению.



Список источников

1. Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку: Элм, 1992. 193 с.
2. Афанасова М.С. Уголовно-правовые способы возмещения ущерба от преступления: история и современность (эволюция российского законодательства) // Проблемы в российском законодательстве. 2020. Том 13. № 5. С. 200–204.
3. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: дис... к.ю.н. Омск, 2002. 186 с.
4. Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: дис... к.ю.н. Казань, 2016. 255 с.
5. Благов Е.В. Основание освобождения от уголовной ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2018. N 7 (92). С. 161–168.
6. Бурлаков В.Н. Индивидуализация уголовного наказания: закон, теория, судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2011. 128 с.
7. Егоров В.С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М.: Изд-во Моск. психолого-социал. ин-та, 2002. 279 с.
8. Ендольцева А.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: дис... д.ю.н. М., 2005. 396 с.
9. Звечаровский И.Э., Иванов А.Л. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право. 2015. № 4. С. 13–18.
10. Кауфман М.А. К вопросу об основании освобождения от уголовной ответственности // Журнал российского права. 2021. № 1. С. 143–156.
11. Келина С.Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М.: Наука, 1974. 231 с.
12. Коробеев А.И. Российская уголовно-правовая политика: от генезиса до кризиса. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
13. Кострова М.Б. Уголовно-правовые механизмы компенсаторного характера как один из трендов современной экономико-ориентированной уголовной политики России // Уголовное право. 2017. № 4. С. 73–79.

14. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер, 2009. 579 с.
15. Матвеева Я.М. Институт освобождения от уголовной ответственности в российском уголовном праве: модернизация и поиск альтернативных способов урегулирования уголовно-правового конфликта: дис... к.ю.н. СПб., 2015. 220 с.
16. Назаренко Г.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 3. С. 156–159.
17. Пашин С.А. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» // Прецеденты и позиции. 2016. № 5. С. 15–21.
18. Понятовская Т.Г. Нужны ли условиям освобождения от уголовной ответственности формальные признаки? // Общество и право. 2015. № 4. С. 93–98.
19. Парог А.И. Репрессивный крен Российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88–95.
20. Сенина Е.Н. Медиативно-восстановительный подход в разрешении уголовно-правовых конфликтов // Вестник РУДН. Юридические науки. 2022. № 2. С. 464–484.
21. Смирнов А.М. К вопросу о чрезмерном гуманизме российской уголовной политики // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 11. С. 310–314.
22. Сундуров Ф.Р. Освобождение от уголовной ответственности в системе мер уголовно-правового воздействия // Вестник ТИСБИ. 2012. № 2. С. 152–158.
23. Чистяков О.И. (отв. ред.) Российское законодательство X–XX веков. М.: Юридическая литература. Т. 1. 1986. 512 с.



References

1. Alikperov H.D. (1992) Crime and compromise. Baku: Elm, 193 p. (in Russ.)
2. Afanasova M.S. (2020) Compensation for damage from a crime: history and modernity (evolution of Russian legislation). *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*=Gaps in Russian Legislation, no. 5, pp. 200–204 (in Russ.)
3. Balafendiev A.M. (2016) Exemption from criminal liability in connection with positive post-criminal behavior: socio-legal prerequisites, essence and systematization of types. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Kazan, 255 p. (in Russ.)
4. Bavsun M.V. (2002) Expediency in criminal law. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Omsk, 186 p. (in Russ.)
5. Blagov E.V. (2018) The basis of exemption from criminal liability. *Aktual'ny'e problemy rossiyskogo prava*=Issues of Russian Law, no. 7, pp. 161–168 (in Russ.)
6. Burlakov V.N. (2011) Individualization of criminal punishment: law, theory, practice. Saint Petersburg: Juridical Center Press, 128 p. (in Russ.)
7. Chistyakov O.I. (ed.) (1986) Russian legislation of 10–20th ages. Moscow: Juridicheskaya literatura, vol. 1, 519 p. (in Russ.)
8. Egorov V.S. (2002) Theoretical aspects of exemption from criminal liability. Moscow: Social Institute Press, 279 p. (in Russ.)
9. Endoltseva A.V. (2005) Institute of exemption from criminal liability: theoretical, legislative and law enforcement aspects. Doctor of Juridical Sciences Thesis. Moscow, 396 p. (in Russ.)
10. Kaufman M.A. (2021) The basis of exemption from liability. *Zhurnal rossiyskogo prava*=Journal of Russian Law, no. 1, pp. 143–156 (in Russ.)

11. Kelina S.G. (1974) *Theoretical issues of exemption from criminal liability*. Moscow: Nauka, 231 p. (in Russ.)
12. Korobeev A.I. (2019) *Russian criminal law policy: from genesis to crisis*. Moscow: Yurlitinform, 352 p. (in Russ.)
13. Kostrova M.B. (2017) Criminal-legal mechanisms of compensatory nature as one of the trends of modern economically oriented criminal policy of Russia. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 4, pp. 73–79 (in Russ.)
14. Lopashenko N.A. (2009) *Criminal policy*. Moscow: Wolters Kluwer, 579 p. (in Russ.)
15. Matveeva Ya. M. (2015) Institute of exemption from criminal liability in Russian criminal law: modernization and search for alternative ways to resolve a criminal law conflict. Candidate of Juridical Sciences Thesis. Saint Petersburg, 220 p. (in Russ.)
16. Nazarenko G.V. (2012) Criminal law policy: trends and prospects. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*=Central Russia Bulletin of Social Sciences, no. 3, pp. 156–159 (in Russ.)
17. Pashin S.A. (2016) Draft of amendments to Criminal Code and Code of Criminal Procedure to provide victim, suspect, accused with possibility of reconciliation. *Precedenty i pozicii*=Precedents and Positions, no. 5, pp. 15–21 (in Russ.)
18. Poniatovskaya T.G. (2015) Do the conditions of exemption from criminal liability need formal signs? *Obshchestvo i pravo*=Society and Law, no 4, pp. 93–98 (in Russ.)
19. Rarog A.I. (2014) Repressive inclination of Russian criminal policy. *Kriminologicheskij zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta e'konomiki i prava*=Criminology Journal of Baikal State University of Economics and Law, no. 3, pp. 88–95 (in Russ.)
20. Senina E.N. (2022) Mediation and restorative approach in resolving criminal law conflicts. *Vestnik RUDN*=RUDN Bulletin, no. 2, pp. 464–484 (in Russ.)
21. Smirnov A.M. (2018) On the question of excessive humanism of the Russian criminal policy. *Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom*=Education and Science in Russia and abroad, no. 11, pp. 310–314 (in Russ.)
22. Sundurov F.R. (2012) Exemption from criminal liability in the system of measures of criminal legal impact. *Vestnik TISBI*=Bulletin of TISBI, no. 2, pp. 152–158 (in Russ.)
23. Zvecharovsky I.E., Ivanov A.L. (2015) Exemption from criminal liability. *Ugolovnoe pravo*=Criminal Law, no. 4, pp. 13–18 (in Russ.)

Информация об авторах:

В.К. Андрианов — ведущий научный сотрудник, кандидат юридических наук, доцент.
Ю.Е. Пудовочкин — профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук.

Information about the authors:

V.K. Andrianov — Leading Researcher, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor.
Yu.E. Pudovochkin — Doctor of Sciences (Law), Professor.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 18.11.2022; принята к публикации 18.11.2022.

The article was submitted to the editorial office 01.07.2022; approved after reviewing 18.11.2022; accepted for publication 18.11.2022.